

Солнце и Домициан в «Фиваиде» Стация

В прологе к «Фиваиде» (I, 24–31) Стаций призывает Домициана отказаться от роли солнца, если таковая будет предложена, т. е. фактически сопоставляет его позначению с солнцем (зд. и далее цит. по [Klotz–Klennert, 1973]):

*licet artior omnis
limes agat stellas et te plaga lucida caeli,
Pleiadum Boreaeque et hiulci fulminis expers,
sollicitet, licet ignipedum frenator equorum
ipse tuis alte radiantem crinibus arcum
imprimat aut magni cedat tibi Iuppiter aequa
parte poli, maneat hominum contentus habenis,
undarum terraeque potens, et sidera dones.*

‘Пусть даже всякий рубеж потеснит свои звезды и тебя призывает солнечная область неба, непричастная Плеядам, Борею и зияющим молниям¹, пусть даже обуздатель огненноногих коней сам возложит на твои волосы лучащийся в вышине полукруг² или Юпитер уступит равную часть огромного небосвода, оставайся довольным уздами людей, владея волнами и землей, и оставь светила’.

Учитывая значимость пролога для мотивной структуры античного текста, целесообразно соотнести роль солнца в прологе «Фиваиды» и в основном тексте поэмы. Сопоставление императора с солнцем представляется связанным с обильным использованием Стацием оппозиций дня–ночи, тьмы–света, видения–невидения в основной части поэмы.

Тьма сопровождает nefas, солнце и свет сопутствуют благочестивым поступкам и событиям. Таким образом в двойственном мире Стация воплощается принцип σὺμπλάθεια (см. [Vessey, 1986]). В частности, солнце медлит взойти после резни во II книге (III, 35, см. тж. [Snijder, 1968: 61]), скрывается во время боя братьев (XI, 120–135), свет не проникает на Лемнос в ночь убийства мужей (V, 181–185). Таким образом, солнце ведет себя как олимпийские боги, только самоустранением, недеянием проявляя «симпатические» действия (ср. «уход» богов в XI книге, тж. уход Афины от Тидея в VIII, 764–766). Часто оппозиция «тьма–свет» выступает просто как

¹ Солнце упомянуто определенно в I, 27–29, но, если отказаться от трактовки I, 25–27 (*licet <...> te plaga lucida caeli, / Pleiadum Boreaeque et hiulci fulminis expers, / sollicitet*), как указания на все 4 стороны света (‘пусть даже тебя призывает солнечная область неба (т. е. восток), <область> Плеяд (т. е. запад), <область> Борея (т. е. север) и <область>, непричастная зияющим молниям (т. е. юг)’), какое понимание идет от Лактанция Плацида [Jahnke, 1898: 4]) и понять, отнеся все три генетива к *expers*, как ‘пусть даже тебя призывает солнечная область неба, непричастная Плеядам, Борею и зияющим молниям’, т. е. ‘непричастная непогоде’, где Плеяды обозначают дожди, то мы получим соотнесение с солнцем как основной мотив *recusatio*. В упоминании рядом Юпитера (I, 29–30) важно, что он не предлагает занять свое место, а ‘уступает равную часть неба’ (*cedat <...> aequa parte poli*).

² Дополнительное замечание: что касается ассоциации с Фазтоном, то могу только предположить, что она скорее не должна была восприниматься. Во-первых, если бы поэт имел в виду такую аллюзию, он бы скорее сказал о передаче колесницы; Гелиос обычно, собственно, передает коней, а не возлагает «лучащийся полукруг» на Фазтона. Во-вторых, ассоциация могла стираться еще и тем, что «лучащийся полукруг» (корона в виде лучей) – элемент иконографии императоров, в т. ч. Домициана, напр. в нумизматике; слово *radiatus* применительно к нему используют Светоний (Aug. 94, 6) и Плиний Младший (Pan. 52, 1). Признаки солнца у императоров вряд ли должны были вызывать ассоциацию с Фазтоном.

вариант оппозиции «божества загробного мира – небесные боги», оппозиции двух божественных аппаратов [Feeney, 2000: 345], напр., в двух гаданиях, обращенных к Юпитеру и Плутону (IV, 419–427). Однако мотив света и световые образы последовательно соответствуют аспекту благочестия и не имеют параллелей и пересечений с загробным миром, которые являются важной характеристикой олимпийских богов [Feeney, 2000: 344–364]. Таким образом, статус света (как и солнца) близок статусу богов, не подверженных оксюморонному смешению с загробными божествами, таких, как аллегорические *Clementia* и *Pietas*; ср. тж. то, что функция света сохраняется в XII книге, где отсутствуют все олимпийцы (напр., XII, 4, 309–311, 564–567).

Выводы. Названная функция мотива света и световых образов важна для кумуляции эффектных сюжетных ходов и деталей (в данном случае эту роль выполняет прежде всего отсутствие света – тьма), одного из центральных принципов поэтики «Фиваиды». Кроме того, если верно соотнесение солнца с Домицианом, то мы получаем, с одной стороны, указание на особенную важность этого мотива для поэмы, и, с другой стороны, дополнительный аргумент в полемике о смысле хвалы Домициану, которая колеблется от признания пролога «отбыванием номера» [фон Альбрехт, 2004: 2, 1041] (см. тж.: [Dominik, 1994]) до призыва к переоценке представлений о правлении Домициана вообще [Snijder, 1968: 18–20].

Литература

- Dominik, 1994 – Dominik W. J. *The Mythic Voice of Statius: Power and Politics in the Thebaid*. Leiden, 1994.
- Feeney, 2000 – Feeney D. C. *The Gods in Epic: Poets and Critics of the Classical Tradition*. Oxford, 2000.
- Jahnke, 1898 – *Lactantii Placidi qui dicitur Commentarii in Statii Thebaida et Commentarius in Achilleida* / Recens. R. Jahnke // *Statius P. Papinius. Opera*. Lipsiae, 1898. V. III.
- Klotz–Klinnert, 1973 – *P. Papini Stati Thebais* / Ed. A. Klotz; Ed. corr. curavit Th. C. Klinnert. Leipzig, 1973.
- Snijder, 1968 – *Statius P. Papinius. Thebaid: A Commentary on Book 3* / With text and introduction by H. P. Snijder. Amsterdam, 1968.
- Vessey, 1986 – Vessey D. W. T. C. *Flavian Epic* // *Cambridge History of Classical Literature*. Cambridge, 1986. T. 2. P. 558–597.
- фон Альбрехт, 2004 – Альбрехт М. фон. *История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияние на позднейшие эпохи* / Пер. с нем. А. И. Любжина. Т. I–III. М., 2002–2005.